

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ КАНТЫ В ЧЕСТЬ ИМПЕРАТРИЦ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И ЕКАТЕРИНЫ II

Наталья Огаркова

Панегирические “песни” как образцы официального искусства озвучивали коронационные шествия и встречи императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. В царствования этих императриц канты приобрели широкое распространение, и это не случайно. Панегирический кант родился в рамках церемониальных форм придворной жизни европейского образца, усиленно внедрявшихся Петром I. И потому его дочь, а вслед за ней и Екатерина, считая себя продолжательницами деяний Петра, обставляли свои грандиозные триумфальные шествия в духе традиций петровской эпохи. С тех же петровских времен славильные канты стали исполняться на церемониальных обедах в дни династических, викториальных и прочих государственных торжеств. Какова была роль кантов в коронационных ритуалах, как они исполнялись и кем писались?

Церемониалы и описания коронаций, нотные рукописные материалы указывают на вполне определенные канты, озвучивавшие *шествия* императриц при въездах в Москву, в Успенский собор и выходы из него во дворец, встречи у Триумфальных ворот и Троице-Сергиевой лавры. В рамках этих церемоний им отводилась вполне определенная пропагандистская роль – прославлять монархинь, мощь и процветание государства.

Грандиозный размах церемониальные шествия приобрели в царствование Елизаветы Петровны. Триумфальный въезд императрицы в Москву 28 февраля 1742 года, судя по церемониалу, состоял из девятнадцати позиций. Особенно впечатляло современников в этом кортеже обилие роскошных карет. Так, в начале процессии после гренадеров ее императорского величества двигалось восемнадцать карет знатного дворянства, семь карет придворных Елизаветы Петровны, затем кареты “знатных персон”, три придворные кареты, императрица в карете в восемь лоша-

дей, кареты с придворными дамами и др.¹ Для шествия императрицы по традиции шествий петровской эпохи выстроили триумфальные ворота: первые от московской губернии – на Тверской у Земляного города, вторые от Святейшего Синода – в Китай-городе рядом с Казанской церковью, третьи от купечества – на Мясницкой улице у Земляного города, четвертые – у Лузы рядом с домом ее императорского величества. Вдоль всей дороги, по которой шла процессия, поставлены “в парад” полки, а дома были украшены коврами и “богатыми материями”.²

У триумфальных “синодальных” ворот императрица была встречена хором из духовенства и учеников Славяно-греко-латинской академии (по двадцать человек с каждой стороны).³ Поскольку триумфальные въезды со времен Петра Великого осуществлялись по римскому образцу, певчие, расположенные с двух сторон синодальных ворот, были одеты в римские одежды: “в белом одеянии с венцами на головах” и с лавровыми ветвями в руках. Под аккомпанемент труб и литавр хор воспел коронационный кант “Приспе день красный, воссияло ведро”, сопровождая дальнейшее шествие.⁴ В церемониале приводится полный текст этого панегирика, что говорит о его важной содержательной функции в общей композиции шествия. В тексте представлен светлый образ императрицы-спасительницы, продолжательницы деяний своего отца, матери Отечества. Приведем две последние строфы:

IX

Буди и ведро	Во всегда сияя
Императрица	ПЕТРА Дщи драгая
Свет наш, о Мать!	Присящай отрада
	Российска чада.

¹ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея августейшего Императорского Величества Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года [СПб. 1744], с. 6-9.

² Там же, с. 3-4.

³ В предыдущие царствования канты также исполнялись хором церковных певчих и учеников славяно-греко-латинской академии (чаще всего в документах приводятся сведения о сорока хористах).

⁴ Обстоятельное описание, с. 23-24.

X

Светло всретая,	Светло восклицая,
Твой ЕЛИСАВЕТ	Скипетр светл желаем
Да правит Россов	В несочтенны годы
В роды и роды. ⁵	

В коронационном кортеже Елизаветы Петровны в Успенский собор 25 апреля согласно церемониалу участвовало немалое число подданных. Процессия делилась на следующие группы:

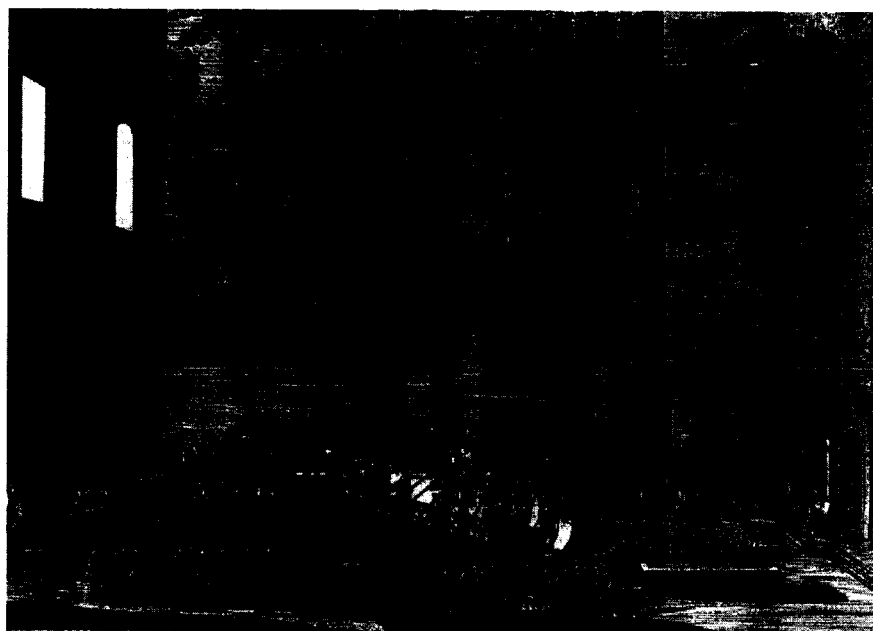
1. императорская кавалер-гвардия (ее половина, по три в ряд) во главе с камергером, графом П. И. Шуваловым;
2. камер-пажи и пажи (тридцать человек);
3. церемониймейстеры (князя Прозоровский и Долгоруков с жезлами, указывавшие идущим в процессии места в церкви, а затем стоявшие у трона во время коронационного обряда);
4. депутаты от купечества ("Эстляндского и Лифляндского" – двадцать три человека);
5. иностранные купцы (тринадцать);
6. "малороссийские старшины" (сорок пять);
7. штаб- и обер-офицеры малороссийских полков (тринадцать);
8. смоленские бригад-, штаб-, обер-офицеры и рядовые (шестьдесят);
9. депутаты от Малороссии (шесть) и шляхетства (девять).

Коллегии и канцелярии:

10. медицинская канцелярия (доктора и штаб-лекари – четырнадцать);
11. "главная полиция" (двенадцать);
12. "экономия" (двенадцать);
13. "вотчинная" (двенадцать);
14. "мануфактур" (двенадцать);
15. "берг-коллегия" (двенадцать);
16. "штабс-кантор" (десять);
17. "комерц-коллегия" (двенадцать);

⁵ Там же. Нотный текст опубликован Т. Н. Ливановой : Рукописный песенник XVIII века / Сост., публ., коммент. Т. Н. Ливановой. М., Госмузиздат, 1952, с. 74-75. Он также встречается в нотном рукописном сборнике XVIII века – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351, л. 121 об. - 122, № 118. Нотный и поэтический (полный) текст канта см. Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII - начало XIX века. СПб., Дмитрий Буланин, 2004, с. 261-264.

18. “адмиралтейская коллегия” (двенадцать);
19. “военная” коллегия (шестнадцать);
20. “ревизионная” (четыренадцать);
21. “юстиц-коллегия” (двенадцать);
22. “камор-коллегия” (четыренадцать);
23. “иностранная” (одиннадцать);
24. правительствующий Сенат (тринадцать);
25. обер-церемониймейстеры (Лопухин и А. М. Черкасский с жезлами);
26. верховный церемониймейстер (генерал-лейтенант, барон фон Дю-
берг с жезлом);
27. герольдмейстеры (два).

Шествие на коронацию в Успенский собор Елизаветы Петровны
25 апреля 1742 года. Гравюра Г. А. Качалова

Регалии:

28. панир, или государственное знамя;
29. государственная печать;
30. государственный меч;
31. мантия;
32. держава;
33. скипетр;
34. корона;
35. гоффурьеры (четыре), гоф-штаб-квартирмейстер, шталмейстер, гофмаршал, обер-гофмаршал, верховный маршал (князь Н. Ю. Трубецкой);
36. ее императорское величество под балдахином⁶ в окружении камергеров (шесть), несших шлейф, и обер-гофмейстер С. А. Салтыков;
37. двор ее императорского величества (камергеры, камер-юнкеры);
38. “генералитет” (шестьдесят восемь);
39. “корпус знатного российского шляхетства” (тридцать шесть);
40. знатное московское купечество (девятнадцать);
41. иностранное купечество (десять);
42. кавалергарды (вторая половина).

Елизаветинская процессия входила в Успенский собор, некоторые из ее участников в нем оставались, а остальные выходили из церкви через другие двери. Елизавета, бесспорно, затмила коронационный выход Анны Иоанновны в Успенский собор 28 апреля, включавший всего 20 позиций. Однако Екатерина II, шествуя в Успенский собор на коронацию 22 сентября 1762 года, перещеголяла Елизавету. Ее процессия состояла из пятидесяти одной живописнейшей группы.⁷

Возвращение императрицы Елизаветы после коронации из Москвы в Петербург 20 декабря 1742 года также обставлялось разного рода тор-

⁶ Балдахин, сделанный из серебряной и золотой парчи на штангах, украшенных четырьмя гербами и четырьмя вензелями ее императорского величества, несли восемь майоров и восемь подполковников.

⁷ Шествия, также как и военные парады, особенно любил Павел I. Он постоянно эпатировал общество. Так, ему захотелось сделать более продолжительной церемонию шествия к Успенскому собору, дабы продемонстрировать себя во всем великолепии, и потому он удлинил достаточно короткий путь от ремлевского дворца до собора, заставив “шествие” дважды обогнуть колокольню Ивана Великого.

жествами и музыкальными “приветствиями”. Встречал Елизавету хор семинаристов Александро-Невского монастыря “Песнью на встречу Ея Императорского Величества” (“Гряди, наш свет, Елисавет...”).⁸

Кроме приведенных двух “коронационных” кантов можно назвать еще целый ряд популярных панегириков в честь Елизаветы Петровны, без сомнения исполнявшихся в различных церемониях.⁹ Среди них – почти не переделанный “коронационный” кант Тредиаковского в честь Анны Иоанновны (с заменой одного единственного слова “Анна” на “Елисавет”) “Да здравствует днесь императрикс Елисавет”,¹⁰ канты “Петра первого дочь наша мати”,¹¹ “Виват преславна самодержавна”,¹² “Днесь вся Россия распростирай дочь длани”,¹³ “Всем ныне радость” и “Монархиня грядет”,¹⁴ “Златые веки ныне наступили”.¹⁵ Эти канты славят Елизавету как “дочь” Петра Первого, “Солнце Елисавет”, “воинству крепкую оборону”, “защиту церквам”, “надежду” данную от Бога.

Во время церемонии торжественного “вшествия” Екатерины II в Москву на коронацию 13 сентября 1762 года процессия проходила через

⁸ Кант опубликован Т. Н. Ливановой: рукописный песенник XVIII века, с. 73. Он встречается в различных сборниках. Укажем, например, на его варианты в текстовом сборнике 1767 года – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV.98, л. 9 - 9 об., с. 12; нотном – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351, л. 47 об. - 49, с. 45.

⁹ Значительное количество елизаветинских кантов собрано в нотном сборнике – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351.

¹⁰ См. в нотном сборнике второй половины XVIII века – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 141, л. 240 об.

¹¹ Кант полностью опубликован Ливановой: рукописный песенник XVIII века, с. 70-71; см. также нотный сборник – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351, л. 118 об. - 119, с. 115.

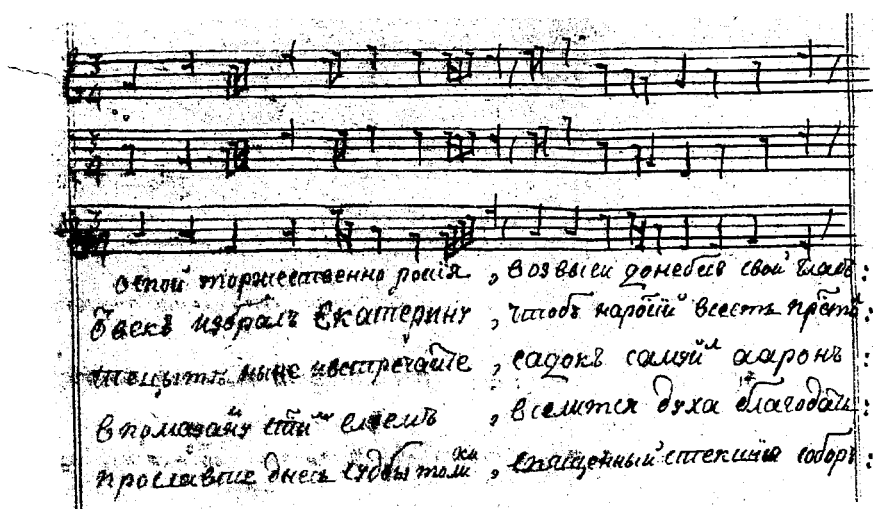
¹² Кант опубликован Ливановой: рукописный песенник XVIII века, с. 74-75; встречается в текстовом сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 13; нотном – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 16, л. 9 об.

¹³ Текст встречается в рукописном сборнике 1767 года – РНБ ОР, ф. 550. Q XIV. 98, с. 14.

¹⁴ Кант встречается в текстовом сборнике конца XVIII века – БАН ОР, 16. 16. 19, л. 129 и л. 153.

¹⁵ Кант “Златые веки ныне наступили” встречается в сборниках – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 141, л. 238 об. – 239; ф. 550, Q XIV. 16, л. 9 об.; ф. 775, Тит. 33 51, л. 67 об. – 68, с. 65; опубликован в книге “От Петра великого до Елизаветы Петровны: виваты, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные русские канты” (публ., вступ. ст. Васильевой Е. Е., Лапина В. А. СПб., Композитор, 2002).

триумфальные ворота (так же как при въезде Елизаветы Петровны в древнюю столицу их было четыре). У четвертых ворот императрицу встретило с поздравлениями духовенство во главе с преосвященным Тимофеем, поднесшим ей крест для целования и окропившим ее святой водой. Там же стояли студенты Славяно-греко-латинской академии по традиции в белых одеяниях, в венцах, держа в руках лавровые ветви, и “пели сложенную для того песнь”: “Воспой торжественно, Россия, Возвыси до небес свой глас”.¹⁶ Эта “песнь” (она приводится в публикации церемониала) озвучивала все дальнейшее шествие Екатерины до Успенского собора.¹⁷ В тексте канта представлена взошедшая на российский престол “мудрая”, “храбрая”, восстанавливающая православную веру и любящая своих подданных императрица:

Кант “Воспой торжественно Россия” на коронацию Екатерины II.
Страница рукописи

¹⁶ Описание вшествия в Москву и коронования государыни императрицы Екатерины II: обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию богоспасаемый град Москву, и освященнейшего коронования... императрицы Екатерины вторыя. [СПб. 1854], с. 26-28.

¹⁷ Нотный текст встречается в сборнике XVIII века – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 125, л. 37 об – 39. Полный стихотворный текст канта см. Огаркова, 264-266.

В помазанну святым елеем.
 Вселится духа благодать.
 Так мы ея уж возимеем
 Мудру, храбру во сто крат.
 Дает Он силу Ей веру утвердить.
 Противных Ей искоренить.
 Россов державу
 Зделать вечну.
 Безконечну
 Ей принести славу.¹⁸

Вскоре после коронации Екатерина предпринимала неоднократные поездки в церкви и монастыри, где ее появление всегда сопровождалось приветственными кантами. Обратим внимание на ритуал посещения императрицей Троице-Сергиевой лавры 17 октября 1762 года.¹⁹ Церемония встречи монархини отличалась особой торжественностью. У “святых врат” лавры к Екатерине вышел архимандрит Лаврентий “со всею братиею в священном облачении, в предшествии хоругвей и святых икон”.²⁰ По прочтении архимандритом приветственной речи Екатерине был поднесен “животворящий крест”, а затем началось шествие в “Соборную Троицкую церковь” сначала под пение монахами “Днесь благодать Святаго Духа”, а затем под пушечную пальбу, колокольный звон и пение семинаристами канта:

Гряди, желаннейшая мати,
 Гряди, с дражайшим Павлом к нам,
 Гряди от гроба дар прияти
 В созданный чудотворцем храм.²¹

Кант повествовал о цели приезда Екатерины – поклонении святым мощам Сергия, и восхвалял ее добродетели, одна из которых, “святость”,

¹⁸ Описание вшествия в Москву, с. 26-28.

¹⁹ Посещение вновь коронованными монархами Троице Сергиевой лавры являлось обязательным ритуалом.

²⁰ Описание всерадостнейшего вшествия благочестивейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы всероссийския в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и прочаго, что во оной Лавре в высочайшее присутствие Ея Императорского Величества производимо было усердну Ея к Богу и угодником его горячесть предоставляющее, октября 17 дня 1762 года. печатано при императорском Московском Университете. М. [1762], с. 4.

²¹ Там же.

подчеркивалась особо (“Сколь ТА любви являет к Угодников мощам”). Войдя в церковь, Екатерина приложилась к иконам и “мощам преподобного Отца Сергия”; после была прочитана ектения, и Екатерине возглаголено многолетствие. Далее под пение канта “Приди, Екатерина, Вторая к нам Елисавет” она покинула церковь и отправилась в отведенные ей покои. Вечер закончился фейерверком и иллюминацией.

На следующий день 18 октября императрица присутствовала в Троицкой церкви на Божественной литургии, где Лаврентием была прочитана проповедь, затем опять “приложилась мощам Преподобного Сергия” и посетила другие “святые места”, в которых “Святыи Божии почивают”. Она не забыла обратить свое внимание на церковную ризницу, осмотрев церковные древности, которые жаловали Лавре “ся Высочайшие предки”, познакомилась с древнейшей библиотекой. Канты и в этот день сопровождали Екатерину. Во время обеда у архимандрита Лаврентия “при пении за Высочайшиа здоровья производилась пушечная пальба, и певчие пели канты, для Высочайшаго присутствия сложенные”.²² Посещение императрицей “семинарской богословской палаты” началось с приветственного канта, воспетого учителями и семинаристами:

Сидящей на Российском троне,
Вы, Музы, в нашем Геликоне
Пристойный стих воспойте,
И радость в нас откройте,
Сокрытую в сердцах.²³

При “выступлении” из богословской палаты “от оных студентов воспет был кант о благодарении Богу, что сподобились свою Самодержицу не токмо видеть, но и теснотою своего жилища вместить”.²⁴

В честь Екатерины было сложено и пропето немалое количество музыкальных панегириков. Один из популярных – “Гряди, дражайша наша мати”.²⁵ В связи с посещением императрицей Ярославля появились “Сладки гимны соплетая” и “Встречю дети матери воспети”.²⁶ Ломоносовской

²² Церемониальный, банкетный и походный журнал 1762 года за первый год царствования Императрицы Екатерины Второй. С 1-го августа 1762 [185?], с. 36.

²³ Описание всерадостнейшего вшествия, 6.

²⁴ Там же, 38.

²⁵ См. в сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 125, л. 77 об. - 78.

²⁶ См. в сборнике — Q XIV. 125, л. 81–82 и л. 44 об. — 45. Ю. В. Келдыш ошибочно приписывает первую строку канта “Встречю дети матери воспети” Ломоносову, ссылаясь на начальную строку какой-то оды, посвященной Елизавете

строкой начинается екатерининский кант “Какую радость ощущаю”. Здесь неизвестным сочинителем перефразировалась “Ода” М. В. Ломоносова, обращенная в свое время к Елизавете.²⁷ Назовем также: “Возвеселись обитель днесь”, “Воспевати красно, Восклицати гласно”, “Воспоем песнь нову, Господеви Богу”, “Вселенная торжествует, что Россия господствует” и др.²⁸

Авторами стихов и музыки панегирических кантов могли быть церковнослужители, выпускники Славяно-греко-латинской академии. Как известно, канты распевались и на тексты профессиональных поэтов-панегиристов. Ранее уже упоминался Ломоносов. Его карьере придворного поэта немало способствовали писавшиеся “на случай” панегирические сочинения. Восшествие на престол Елизаветы Петровны уже было отмечено опусами подобного рода.²⁹ И в дальнейшем он до конца своей жизни шел именно по этому пути, который в свое время не удался Тредиаковскому.³⁰ Одический строй произведений Ломоносова сказался на лексической структуре кантовых текстов второй половины XVIII века,

(Келдыш Ю. В. Песня в рукописных сборниках // История русской музыки. В 10 томах / Отв. ред. Ю. В. Келдыш. М., Музыка, 1984. Т. 2: XVIII век. Т. 1, с. 175). Такой строки в одах Ломоносова нет.

²⁷ М. в. Ломоносов. Избранные произведения / Публ., вступ. ст., прим. А. А. Морозова. М.-Л., Советский писатель, 1965, с. 135. См. в сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 125, л. 70 об. – 71.

²⁸ Эти канты см. в нотном сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 125, л. 1, 4 об., 14 об., 15 об.; “Воспоем песнь нову” встречается также в нотном сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 141, л. 182 об. и л. 243 об.; кант “Вселенная торжествует” встречается в нотных сборниках – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV. 125, л. 15 об. – 16; – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351.

²⁹ Имеются в виду переводы оды Я. Штелина “Всепопданейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол ея величества всепрсветлейшия державнейшия императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения ее величества декабря 18, 1741” (Ломоносов, 441), оды Г.-Ф.-В. Юнкера “Венчанная надежда Российской империи в высокий праздник коронования всепрсветлейшия державнейшия великия государыни Елисаветы Петровны... в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года...” (Там же, 444), собственная ода Ломоносова “на прибытие из голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня” (Там же, 84).

³⁰ Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение 1997. № 25, с. 45.

вплоть до цитат. Например, им была написана “Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации” (“Какой приятной зефир веет”).³¹ С варианта первой строки этой “Оды” начинается один из панегирических кантов в честь Екатерины II “Какой прекрасны зефир бескрылы”.³² Напомним также о первой ломоносовской строке, задающей “тон” екатерининскому канту “Какую радость ощущаю”.³³

Пропагандистский, публицистический характер кантовых текстов проникал в сердца участников и свидетелей церемоний благодаря музыке. А о музыке мы можем судить только лишь по уже упоминавшимся (или оставшимся за рамками данной статьи) нотным рукописным сборникам. Их владельцами являлись представители духовенства, средних социальных слоев (купечества, студенчества, военных низших чинов, мелких чиновников). В сборниках зафиксированы панегирики, озвучивавшие торжественные придворные церемонии, что свидетельствует о распространении кантов в широких слоях городского населения. В домашние песенники записывалось то, что было популярно и пелось в быту, и что отвечало велениям души их владельцев. Почему в репертуаре для домашнего пения обычных людей постоянно присутствовали панегирические песни? Славильные канты, как известно, располагались в первых частях сборников – вслед за псалмами или “вперемешку” с ними.³⁴ Это не случайно: и те, и другие воспевали бога и царя – “помазанника божия”. Но панегирический кант, изначально создававшийся для церемоний придворной элиты, переключившаяся в домашние песенники и влияя на массовое сознание горожан, давал возможность выразить потребности “русского сердца”, погрузиться в ауру религиозного восхваления царственной персоны.

Музыкальная стилистика “славильных” кантов представляет собой некий сплав элементов русской барочной традиции, архаического “языка”, идущего от псалмы XVII века, петровских виватов и церемониальных танцев европейского образца (полонеза, менуэта), вошедших в моду еще при Петре I и хорошо освоенных придворным обществом к середине

³¹ Ломоносов, 88-99.

³² См. в нотном сборнике – РНБ ОР, ф. 550, Q XIV.125, л. 82 об, с. 84.

³³ В этой “Оде” “...ее величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Царском Селе августа 27 дня 1750 года” (Ломоносов, 135).

³⁴ Во второй части сборников записаны, как правило, любовные, застольные и светские песни.

века.³⁵ Особенности стилистики кантов неоднократно рассматривались в музыковедческой литературе. Им уделял специальное внимание в своих фундаментальных трудах Н. Ф. Финдейзен.³⁶ Т. Н. Ливанова, отказывая панегирическим кантам в художественной значимости (особенно в сравнении с псалмами), отмечала “утомительное однообразие простейших гармоний”, “примитивный фундамент” басового голоса, наивность “юбилейных” и др.³⁷ Ю. В. Келдыш, в общем солидаризуясь с оценочной характеристикой Ливановой, тем не менее приводил некоторые примеры в защиту “более развитой мелодики” кантов и разнообразных способов ее развития.³⁸ Все исследователи единодушно признавали связь кантов с драматургией церемоний “строившейся на основе заранее продуманного и разработанного плана”,³⁹ обращали внимание на расположение кантов в сборниках, где они чередовались с “виватами”, “многолетиями” и “осаннами” в соответствии с композицией парадных шествий.⁴⁰ Но, тем не менее, специально не рассматривали кант в контексте церемониального действия, не придавали особого значения формам его исполнения.

Панегирический кант возник как необходимый атрибут церемониальной жизни петровской эпохи, как знак светской культуры – с новым содержанием текстов, неизвестными ранее вокальными имитациями военных сигналов и фанфар. Несмотря на органичную связь с псалмами,

³⁵ На петровских ассамблеях, несмотря на стеснительность дам, приучались танцевать “польский” и “менуэт”, а также “англез”, “аллеманд”, “контрданс”. В царствование Анны Иоанновны полонез и менуэт полностью закрепились в качестве придворных церемониальных танцев. Напомним, что императрица “отметила” свой приход к власти *церемониальными балами* с “польским”, “менуэтом”, “англезом”. И в дальнейшем эти бальные танцы не теряли своей церемониальной задачи до конца века.

³⁶ Финдейзен Н. Ф. Петровские канты // Известия Академии наук 1927. № 7-8; Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца 18 века. в 2 томах. М.-Л., Госмузиздат, 1928. Т. 1: С древнейших времен до начала XVIII века, с 348-351.

³⁷ Ливанова Т. Н. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М., Искусство, 1938. вып. 1, с. 222-227.

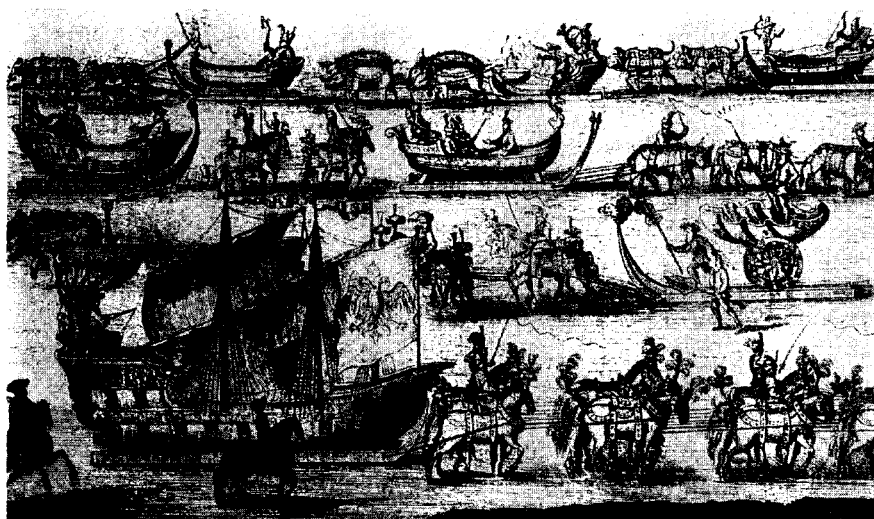
³⁸ Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века. М., Наука, 1965, с. 24-31.

³⁹ Там же, 30.

⁴⁰ Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца 18 века. В 2 томах. М.-Л., Гсмиздат, 1928. Т. 1: С древнейших времен до начала XVIII века, с. 350. В Нотном приложении к этому тому автор опубликовал подобную композицию, исполнявшуюся в 1721 году во время празднования Ништадского мира.

мелодия в высоком регистре, юбилеи на словах “виват”, устойчивые кварто-квинтовые и октавные ходы баса, приоритет славильного домжора, аккордовая фактура создавали новую для того времени тональность – героики, патетики, триумфа. И как у слушателей, так и у исполнителей кантов эта музыка вызывала соответствующий спектр эмоций, чувства подъема и вдохновения. Она воодушевляла, давала возможность наиболее остро пережить чувства верности и преданности монарху, гордости за славу отечества.

Кроме того, Петр I, придав церемониям государственный и военизированный характер, ввел в “театральное” пространство шествий немалое количество военных полков, символизирующих силу и мощь империи.

Уличный маскарад в Москве в 1722 г. С гравюры из собрания Ровинского

“Трубы и литавры, гобои и фаготы, которые герой впервые в России ввел с учреждением своих регулярных гвардейских и полевых полков на немецкий манер и своего флота – на английский и голландский манер, занимали еще первое место”.⁴¹ Так что, “генеральный залп” городских орудий, “беглый огонь”, *сигнальная музыка* (звучание труб и литавр) всех полков и, присоединявшийся к ним, колокольный звон сопровождали шествия, создавая особый эффект помпезности и торжественности.⁴² Так, шествие на коронацию в Успенский собор Екатерины I озвучивалось “звоном во все колокола” и звучанием труб и литавр: “все в строю стоящие полки ружьем на караул подняли с играющею музыкою и с барабанным боем”.⁴³

В последующие царствования шествия императриц озвучивали канты в жанре *полонеза*. Мужской хор, достаточно внушительный по составу (40 человек), мощными голосами встретив императрицу у Успенского собора или Триумфальных ворот, влившись в процессию, сопровождал ее далее. И шествие под пение многострофного славильного канта приобретало характер некоего ритуального танца. Такую функцию выполняли в коронационных шествиях Елизаветы Петровны канты-полонезы “Приспе день красный, возсияло ведро”, “Гряди наш свет, Елисавет”, “Виват преславна самодержавна”. Полонез “Воспой торжественно, Россия, Возвыси до небес свой глас” звучал во время шествия Екатерины в Успенский собор в день ее торжественного въезда в Москву. Кант “Гряди, дражайша наша мати” мог использоваться в шествиях и открывать церемониальные балы. На балах звучали и канты-менуэты: в честь Елизаветы – “Петра первого дщерь наша мати”, “Велия радость”, “Вси торжествуйте, вси купно ныне”,⁴⁴ Екатерины II – “Какую радость ощущаю”, “Какой прекрасны зефир бескрылы”.

⁴¹ Штелин Я. Известия о музыке и балете в России / Пер. с нем. М. Штерна; ред., пред., прим. Т. Н. Ливановой // Музыкальное наследство: Сборник материалов по истории музыкальной культуры в России / Ред. М. В. Иванов-Борецкий. Вып. 1. М., Огиз - Музгиз, 1935, с. 118.

⁴² Финдейзен, анализируя упоминавшуюся “кантовую” композицию на заключение Ништадтского мира, отмечает, что “некоторые длительные паузы в кантах заполнялись (во время остановок триумфального шествия) пушечной пальбой и колокольным звоном, которые сопровождали или заключали также указанные выше ‘виваты’ и ‘многолетия’” (Финдейзен, с. 350).

⁴³ Коронация императрицы Екатерины Первой // Русский архив 1883. № 2, с. 384.

⁴⁴ См. сборник – РНБ ОР, ф. 775, Тит. 3351, № 41, 56.

Канты-полонезы во время шествий сопровождалась по традиции залпами пушек, оповещавших о начале церемоний торжественного въезда императриц в Москву. Так, о въезде в Москву Елизаветы Петровны сообщил первый залп – подготовительный сигнал для войск, данный в пять часов утра девятью пушками, стоявшими на Красной площади. В то же самое время “благовестил” большой колокол Успенского собора. По второму залпу (семьдесят одна пушка) в начале десятого утра все узнали о том, что Елизавета села в свою карету и шествие началось. При входе государыни в Успенский собор началась пушечная (восемьдесят одна пушка) и ружейная пальба, известившая о начале церковной службы. В день коронации в пять часов утра с площади и с городских бастионов палила двадцать одна пушка, сигналила полкам сбор. Участники церемонии (“знатное дворянство”) собрались к шести утра в “Кремлевском доме”. Пальбой сто одной пушки, колокольным звоном, “беглым огнем” всех полков торжественно сообщили народу о завершении обрядов коронации, миропомазания и причащения Елизаветы.

Трубы и литавры сообщали также о начале коронационного шествия в Успенский собор: “дан сигнал чрез трубы и литавры, которые для сего нарочно поставлены были, первые у покоев, от которых процессия начиналась, вторая на крыльце пред Золотою решеткою, третья на Красном крыльце”.⁴⁵

Тексты панегирических кантов нередко сочинялись “на голос”, а “голоса” подбирались известные, любимые и потому постоянно певшиеся. Подобранные мелодии (среди которых были и темы псалм) в необходимых случаях переделывались в ритмы церемониальных танцев и использовались по назначению. Еще раз обратим внимание на коронационный елизаветинский полонез-шествие “Приспе день красный, воссияло ведро”, в основе которого – псалма “Радуйся, радость твою воспеваю” или на кант “Петра первого дочь наша мати” в ритме немецкого менуэта на “голос” псалмы “Кто крепко на Бога уповаю”.⁴⁶ “Голос” “Кто крепко на Бога уповаю” озвучивал не только духовный и панегирический тексты, но “прикладывался” к любовно-лирическим стихам и использовался как вокальный номер в пьесе “Акт о Калеандре и Неонилде”.⁴⁷ Такая насыщенная история этого “голоса” и ему подобных – свидетельство их необы-

⁴⁵ Обстоятельное описание, 39.

⁴⁶ Келдыш Ю. В. Песня в рукописных сборниках // История русской музыки. в 10 томах / Отв. ред. Ю. В. Келдыш. М., Музыка, 1984. Т. 2: XVIII век. Т. 1, с. 174.

⁴⁷ См.: Ливанова Т. Н. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М., Искусство, 1938. вып. 1, с. 263.

чайной популярности, а значит “общительности”, “отзывчивости”. Исполнение панегирических кантов на любимые и потому волнующие мелодии в наиболее значимые моменты шествий и встреч императриц сообщало политическим чувствам подданных глубоко личный оттенок.

Панегирические канты на протяжении XVIII века органично входили в церемониальную жизнь двора. Они делались на заказ для определенных ритуалов и играли очень важную идеологическую и пропагандистскую роль, воспевая величие и божественное предназначение царской власти, и главное, – создавали необходимый эмоциональный настрой. В сравнении с другими формами массовой пропаганды (например, опубликованными текстами манифестов или церемониалов) кант как жанр *музыкально-поэтический* являлся средством мгновенно и сильно действующим.

Коронационные шествия, озвучивавшиеся кантами-полонезами, совершались при большом стечении народа. Глядя на грандиозное зрелище, огромный кортеж, в центре которого двигалась карета с императрицей, и слушая образцовый хор мощными голосами прославлявший “монархиню самодержавну”, народ должен был благоговеть, отождествляя себя с нацией и императрицей.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- 1 Шествие на коронацию в Успенский собор Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 года. Гравюра В. А. Качалова.
- 2 Кант “Воспой торжественно Россия” на коронацию Екатерины II. Страница рукописи.
- 3 Уличный маскарад в Москве в 1722 г.